

RU

Феномен нигилизма в оценке русских народников и проблема автономии личности

Вязинкин А. Ю.

Аннотация. Цель исследования - раскрыть специфику восприятия феномена нигилизма и его идейного наследия в философии русского народничества в контексте проблемы автономии личности. В научной литературе нередко два феномена - нигилизм и народничество - отождествляются, что искажает реальное историческое развитие отечественной мысли. Научная новизна состоит в контексте исследования - нигилистические и народнические идеи рассматриваются через призму проблемы автономии личности. Полученные результаты показали, что нигилизм ориентировался на индивидуализм и идею автономии личности, тогда как народничество концентрировалось на проблемах социального идеала, установления справедливых и солидарных форм общежития зачастую в ущерб тезису об автономии личности.

EN

The Russian Narodnik Movement Philosophy and Nihilism: Approaches to Personal Autonomy Problem

Vyazinkin A. Y.

Abstract. The paper analyses specificity of the nihilistic doctrine interpretation in the Russian Narodnik movement philosophy in the context of the personal autonomy problem. In scientific literature, the Russian Narodnik movement philosophy is often identified with nihilism, which distorts true picture of the Russian philosophical thought development. Scientific originality of the study lies in the fact that nihilistic and Narodnik conceptions are examined through the lens of the personal autonomy problem. The conducted research allows concluding that nihilism accentuates individualism and personal autonomy, whereas the Narodnik movement philosophy focuses on social issues (social ideal, building a fair and equitable society) often abandoning the postulate of personal autonomy.

Проблема нигилизма как культурфилософского явления и мировоззренческой модели, вероятно, никогда не утратит своей **актуальности**. Современные исследователи и теоретики отмечают, что именно нигилистическое мировоззрение было предпосылкой тоталитаризма в XX в. Тоталитаризм противопоставил органической традиции модернистский конструкт идеологии. Идеологическая порча социального сознания не позволяет семенам традиции произрастать естественным образом. Происходит вредительская подмена. Чуждые ценности навязываются на психологическом уровне. Естественный порядок вещей нарушается. Возможно – бесповоротно. В наши дни мы имеем дело с потребительским нигилизмом. Наша глобальная историческая перспектива – нигилизм ультратехнологический, трансгуманистический, извлекающий из бытия человеческое измерение.

Тоталитаризм уничтожал всякую индивидуальную свободу. Потребительский нигилизм уравнивает людей по низшему уровню. Трансгуманистический маршрут цивилизации враждебен человеческой природе, ее физическому и духовному жизненным пространствам. Очевидно, что все современные формы нигилизма противостоят автономии личности.

Изучение нюансов исторического феномена нигилизма может предоставить материал для выработки социально значимых, saniрующих стратегий борьбы с современными нигилистическими тенденциями.

В соответствии с целью исследования в статье ставятся следующие **задачи**: определить отношение русских народников к нигилистическому наследию «шестидесятников» и объяснить нетождественность двух феноменов в контексте проблемы автономии личности.

Методы исследования. В исследовании используются компаративный анализ и метод единства исторического и логического.

Теоретической базой исследования являются работы идеологов русского народничества П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, С. М. Степняка-Кравчинского, П. Н. Ткачева, П. А. Кропоткина.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования материалов статьи в разработке курсов философских дисциплин (история философии, философская антропология и т.д.).

В современных исследованиях есть тенденция сближения феноменов исторического русского нигилизма и народничества едва ли не до полного совпадения их идентичностей [12, с. 109; 13, с. 141, 345].

Эта проблема заслуживает историко-философского анализа. Предметом нашего исследования является установление роли нигилистического мировоззрения революционных демократов в формировании идеологии народнического движения, соотношение идей нигилизма с мировоззренческими основаниями народничества. Понимая недостаточность эмпирико-описательного подхода в историко-философских исследованиях, мы обращаемся к методологии, позволяющей, опираясь на принцип единства исторического и логического, критически осмыслить исторические феномены нигилизма и народничества, выявить их связи, обусловленные общественно-историческим процессом.

Многие теоретики народничества либо прошли школу нигилизма, либо впитали идейные основы школы отрицания, идеологии «мыслящего пролетариата» (Д. И. Писарев).

Одним из наиболее близких Д. И. Писареву народнических мыслителей был П. Н. Ткачев. Материализм как основа мирозерцания, экстремистский нонконформизм и ориентация на узкий круг радикальной интеллигенции как на движущую силу общественного прогресса – вот ключевые точки их идейного соприкосновения.

Ткачев защищал нигилизм и нигилистов от нападок либералов, славянофилов, почвенников-консерваторов, понимая первостепенное значение этого феномена в линии преемственности идей, которые он разделял. Вместе с тем, мыслитель считал, что понятие «нигилизм» недостаточно определено: «...им нередко выражаются самые разнообразные и часто самые противоречивые понятия, начиная от катковского понятия “жуликов” и “мазуриков” и кончая вяземского понятия о растрепанном агитаторе» [11, с. 199]. Понятие «нигилист» не вполне адекватно в опыте классификации теоретиков. Ткачев предложил использовать более внятное понятие «реалист» (ему было противопоставлено понятие «идеалист») как наиболее отражающее тип личности, придерживающейся определенных взглядов и действующей в соответствии с ними, а также лишенное необоснованно отрицательных ассоциативных значений.

В определении П. Н. Ткачева «реалист» идейно оснащен, как и «нигилист» в понимании Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского. Принципы жизни «реалиста» основываются на научном знании, он опирается исключительно на факты, а разум господствует над иррациональными поползновениями фантазии, предрассудков, традиции. Этот идеальный тип, по П. Н. Ткачеву, как и, собственно, нигилист, «не раболепствует ни перед какими человеческими вымыслами, не преклоняется ни перед какими богами и кумирами человеческого невежества и трусости» [Там же, с. 200].

Народник-революционер С. М. Степняк-Кравчинский, приобретший всемирную известность благодаря своему сборнику статей «Подпольная Россия» (1883) и роману «Андрей Кожухов» (1888), поставил цель очистить понятие «нигилизм» от ошибочных определений, данных реакционным официозом империи, которые без критики принимала западноевропейская публика. Активный участник революционного движения в России, он утверждал, что русский нигилизм «был борьбою за освобождение мысли от уз всякого рода традиции, шедшей рука об руку с борьбой за освобождение трудящихся классов от экономического рабства. В основе этого движения лежал безусловный индивидуализм. Это было отрицание, во имя личной свободы, всяких стеснений, налагаемых на человека обществом, семьей, религией. Нигилизм был страстной и здоровой реакцией против деспотизма не политического, а нравственного, угнетающего личность в ее частной, интимной жизни» [10, с. 1-2]. Таким образом, нигилист, по мнению С. М. Степняка-Кравчинского, боролся, прежде всего, за нравственное освобождение личности. Личная свобода, суверенность личности, по признанию народника-революционера, были основополагающими ценностями для нигилиста.

Подчеркивая индивидуалистическую составляющую типа нигилиста, для которого заглавной целью была реализация разумной жизни «мыслящего реалиста» [Там же, с. 7], С. М. Степняк-Кравчинский тем самым разводил понятия «нигилизм» и «народничество». Однако в этом замечании было не только указание на существенное различие двух идеологических феноменов. Это была отправная точка критического восприятия С. М. Степняком-Кравчинским русского нигилизма, индивидуалистической этики его представителей, их пренебрежительного отношения к социальным недугам общества.

С. М. Степняк-Кравчинский отмечал доведенную до абсурда рассудочность нигилистических установок. Борьба нигилистов за материалистическую «чистоту» убеждений, за радикальный реализм (против любого проявления идеализма) привела, например, к отрицанию художественной и эстетической ценности искусства, к его исключительно утилитаристскому восприятию [Там же, с. 4].

Положительную оценку типу нигилиста дал князь П. А. Кропоткин. Он указал на фундаментальное заблуждение обывателя по отношению к феномену нигилизма: «Люди... склонны смешивать “нигилистов” с террористами или народовольцами, принимавшими участие в борьбе с самодержавием в 1879-1881 годах; но такое смешение – грубая ошибка. “Нигилизм” и “терроризм” – два совершенно различных явления; причем тип нигилиста неизмеримо глубже и шире террориста» [2, с. 116].

С точки зрения П. А. Кропоткина, нигилизм сыграл ключевую роль в формировании убеждений прогрессивной молодежи. Он определил период 1858-1864 гг. как время наивысшего расцвета нигилистического движения. Именно в эти годы «очистительная, беспощадная критика нигилизма» [1, с. 35] подготовила почву для окончательного оформления социального мировоззрения и политических взглядов разночинной интеллигенции.

Борьба нигилиста с существующим порядком вещей велась посредством стратегии искренности. Социальные беды связывались с иррациональной силой предрассудков, господствующих во всех сферах жизни общества. П. А. Кропоткин приветствовал такую борьбу, считал, что без обращения к здравому смыслу невозможно добиться социальной справедливости. Поэтому для нигилиста важны «полнейшая искренность – не только во всем, что он говорит, но и в отношении к самому себе, – решение вопросов с точки зрения здравого смысла, без всякой примеси старых предрассудков» [2, с. 117-118].

Вместе с тем, П. А. Кропоткин подчеркивал, что нигилизм – это еще не политическое движение. Нигилизм, в первую очередь, – поведенческая стратегия. Именно это обстоятельство позволяет фигуре нигилиста оформиться в определенный социокультурный, антропологический тип. Нигилист – первоначально бескомпромиссная фигура, он – индивидуалист, который не нуждается в посредниках ни в какой из сфер жизни: «...нигилизм, или реализм, в поведении параллелен реализму в литературе: и тот и другой отвергают идею конвенциональности как таковую, стремясь к прямой, или “непосредственной”, связи с реальностью» [8, с. 20].

П. А. Кропоткин отмечал, что именно нигилизм сформировал в русской интеллигенции «зачатки новой реалистической философии нравственности» [2, с. 119]. Философский реализм в этике подразумевал критическое переосмысление ценностей. Мыслитель с одобрением писал о разрыве нигилистов с традицией, с «суевериями отцов», а интеллектуальное оснащение нигилиста описывал так: «По философским своим понятиям нигилист был позитивист, атеист, эволюционист в духе Спенсера или материалист» [1, с. 284].

Однако П. А. Кропоткин указал, что нигилизм как феномен и «нигилист» как тип – переходные, временные явления. Таким образом, фигура нигилиста – есть только звено в эволюции некоего более совершенного типа. Для П. А. Кропоткина этот более совершенный тип нашел свое воплощение в «новых людях» [Там же, с. 286], в народниках, не только ценивших индивидуальную свободу, но и вступивших в социальную и политическую борьбу за построение справедливого общества.

Среди народников были те, кто понимал, что тип нигилиста – это синоним не только революционера, но и прогрессивно мыслящего представителя разночинной интеллигенции. Вместе с тем, они старались не употреблять этого понятия, осознавая, что в современной им полемической среде оно уже приобрело негативные коннотации и может служить оружием против самого народнического движения. Одним из таких народников был П. Л. Лавров. В первую очередь, считал мыслитель, именно фигура Базарова из романа «Отцы и дети» (1862) стала «мишенью» для консервативных, реакционных публицистов [3, с. 227]. П. Л. Лавров верно подметил, что сам И. С. Тургенев под влиянием резко отрицательных оценок изображенного типа, данных реакционерами, стал все более идейно и эмоционально сходить с своим героем, понимая, что лучше честный демократ с некоторыми недостатками, чем слепая тенденциозность крайнего консерватора, убивающая всякую живую и свободную мысль. Если консерваторы хотели представить нигилистов как беспочвенных радикалов, отщепенцев, аморальных маргиналов, то умеренные теоретики видели в феномене нигилизма определенную субкультуру мысли [14].

И. С. Тургенев готов был пойти на компромисс с эстетическим аскетизмом нигилистов, видя в новом феномене движущую силу нравственного и социального развития общества. Русский нигилизм в глазах умеренно либеральной общественности – субкультура прогресса, закономерно возникшая в интеллектуальном пространстве политической модернизации империи. Нигилисты обращаются к науке, а не к вере, ориентируются на демократические ценности и политические права личности, а не на самодержавие и крепостническую традицию. Их аргументы опираются на разум, а не на иррациональные основания.

Надо ли напоминать, что народническая мысль зарождалась и возрастала в 1860-е гг., параллельно с острой дискуссией о нигилизме в отечественной публицистике. Фигура Базарова – одна из самых обсуждаемых тем, это своего рода дискурсообразующий тип десятилетия. Поэтому важно отметить, что Базаров, по существу, – травоядный индивидуалист. Его интересует только интеллектуальная автономия, независимость рациональной личности [7, с. 129]. Он лишен иных акцентуаций суверенности, он – не ницшеанский сверхчеловек, не суверенный тип в духе Единственного М. Штирнера. Это обстоятельство было привлекательно для П. Л. Лаврова, поскольку для него важна не только автономия личности, но, прежде всего, общество, в котором достигнуто социальное и правовое равенство, в котором господствует критическая мысль и народная правда обретает, наконец, социальную силу. Он писал: «Базаров был бесспорно силой, силой честной и революционной» [3, с. 227]. Собственно говоря, одно из ключевых отличий русского нигилизма от русского народничества состоит в том, что нигилист изначально ориентируется на освобождение самого себя, народник же стремится освободить и себя, и народные массы.

Заслуженное место феномену нигилизма в развитии освободительного движения в России отвел и Н. К. Михайловский. Хотя мыслитель отмежевался от Д. И. Писарева и его школы уже во второй половине 1860-х гг., тем не менее, в полемике между консерваторами и нигилистами он всегда брал сторону последних. Карикатурное изображение нигилиста, смешение его образа с образом народника-революционера, распространившееся в российской художественной и публицистической литературе, было, по Н. К. Михайловскому, ошибочным и несправедливым. Фигура нигилиста была представлена широкой публике в романах

и статьях защитников традиции и монархии. В этой литературе нигилист весьма далек от образа ученого-позитивиста. Чаще всего нигилист был представлен не только и не столько в более или менее безобидном образе юного студента – дерзновенного отрицателя, сколько в образе утратившего всякую нравственную и духовную опору революционера, террориста, государственного преступника, несущего погибель порядку и вековым устоям русского общества.

Н. К. Михайловский отмечал, что влияние Д. И. Писарева на освободительное движение в России имело свои отрицательные и положительные последствия. Для мыслителя было принципиально важно различие поколений «кающихся дворян» и разночинцев. «Кающийся дворянин Писарев, – писал Н. К. Михайловский, – разрабатывал кодекс святой, умеренной и аккуратной жизни» [5, стб. 648]. Идеал Д. И. Писарева, предлагавшего М. Е. Салтыкову-Щедрину перейти от сатирического описания жизни к пропаганде естественных наук, состоит в индивидуальной работе личности над своим собственным интеллектуальным развитием.

«Искатель низких истин, – писал Н. К. Михайловский, – покойный Писарев, сидя в крепости за политическую неблагонадежность, весьма пространно и азартно доказывал, что “мыслящий реалист” должен сидеть за естественными науками, делать свое дело и не мешаться в чужие, что ему должно быть все равно, как живут другие» [6, стб. 65]. Итак, нигилист занят автономной лабораторной работой, он лишен глубокого чувства социальной солидарности, он не озабочен освобождением широких народных масс. Следует отметить, что Н. К. Михайловский, хотя отчасти и критиковал Д. И. Писарева за эту несколько отрешенную в социальном смысле позицию, тем не менее, в развитии своей теории личности отталкивался и от этой посылки о свободе, автономии личности.

Разночинец, по Н. К. Михайловскому, более свободен в своих нравственных и социальных установках. Он психологически не чувствует себя ответственным за исторические беды закрепощенного народа. Его ответственность лежит в настоящем, она возникает как неизбежное дополнение к его интеллектуальному развитию. Разночинец – движущая сила истории, он призван разумом к освободительному движению. Разночинец, заботящийся о социальной справедливости, по существу, и есть народник. «Не Пушкина, – писал Н. К. Михайловский, – собственно валил разночинец руками Писарева. <...> Пушкина, как грандиозный памятник прошедшего, он не тронул бы, если бы ему было гарантировано на будущее время торжество его принципа, его исходной точки, победы идеи народа над отвлеченными категориями цивилизации» [5, стб. 639]. Н. К. Михайловский, таким образом, обосновывал и оправдывал эстетический утилитаризм нигилизма и народничества. Культура должна быть совместима с «идеями народа» – таково одно из основных положений социального идеала справедливого общества.

Вместе с тем, Н. К. Михайловский подчеркивал, что классический нигилизм и то, что называется «русским нигилизмом» – два принципиально разных феномена. Первый является выражением глубокого культурного и антропологического пессимизма (к нему он относил буддистов, философов школы А. Шопенгауэра и т.д.), тогда как второму свойственна «вера» в прогресс, антропологический оптимизм. «Такой глубокой, – писал мыслитель, – и подчас слепой веры, такой часто до смешного горячей погони за руководящими началами в науке, в искусстве, в жизни русская история давно уже не видала. Наш нигилизм был полон веры и потому положительных стремлений» [4, с. 579].

Позиция Н. К. Михайловского дает понять, что если для нигилиста важна была индивидуальная интеллектуальная работа, то для народника к этому добавилась и необходимость политической борьбы. И в этом смысле вполне справедливо рассматривать русское народничество в том числе как политический реализм, избавившийся от определенных «нигилистических вульгаризмов» [9, с. 161].

Представленные оценки позволяют сделать **вывод** о том, что отождествление русского нигилизма и русского народничества не вполне корректно. Сами народники, хотя и признавали влияние нигилистической идеологии на свои социально-философские взгляды, тем не менее, указывали и на существенные различия. Народническая мысль представляла собой в большей степени социально-ориентированный взгляд на проблему свободы личности. Если для нигилизма крайне важной была идея автономии развитой личности, то для народничества, социальным идеалом которого выступало справедливо организованное общество, важнее было укрепление принципов солидарности и социального равенства. Зачастую народнические мыслители пренебрегали принципом автономии личности в угоду общественным интересам (коллективизм, коммунитаризм). Идейное разведение феноменов нигилизма и народничества позволяет создать предпосылки для обновленного взгляда на историю развития освободительной мысли в России, прежде всего, в контексте решения проблемы суверенной личности в отечественной философии.

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00465 «Проблема суверенной личности в философии русского народничества».

Список источников

1. Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. 544 с.
2. Кропоткин П. А. Лекции по истории русской литературы. М.: Common place, 2016. 374 с.

3. Лавров П. Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества // Литературное наследство. М.: Наука, 1967. Т. 76. Тургенев И. С.: новые материалы и исследования. С. 208-233.
4. Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1913. Т. 10. 1154 с.
5. Михайловский Н. К. Сочинения: в 6-ти т. СПб.: Русское богатство, 1896. Т. 2. 886 стб.
6. Михайловский Н. К. Сочинения: в 6-ти т. СПб.: Русское богатство, 1896. Т. 4. 1020 стб.
7. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.
8. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский - человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
9. Прокудина Е. К., Шириняц А. А. Н. К. Михайловский и политическая культура пореформенной интеллигенции // Н. К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения): сб. науч. тр. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 156-168.
10. Степняк-Кравчинский С. М. Подпольная Россия. Лондон: Фонд рус. вольн. прессы, 1893. 191 с.
11. Ткачев П. Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 7-ми т. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. Т. 5. 502 с.
12. Фурман Ф. П. Философские основания дискурсивно-идеологического комплекса народничества: историко-философский анализ. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. гуманит. ун-та, 2010. 209 с.
13. Шириняц А. А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. 568 с.
14. Brower D. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1975. 248 p.

Информация об авторах | Author information

Вязинкин Алексей Юрьевич¹, к. филос. н.

¹ Тамбовский государственный технический университет

Vyazinkin Aleksei Yur'evich¹, PhD

¹ Tambov State Technical University

¹ vyazinkin@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.10.2020; опубликовано (published): 30.12.2020.

Ключевые слова (keywords): русское народничество; нигилизм; социальный идеал; автономия личности; Russian Narodnik movement; nihilism; social ideal; personal autonomy.